Ю. Я. Ольсевич

Влияние хозяйственных реформ в России и...

Учебники экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Ю. Я. Ольсевич

Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. Учебное пособие

«Экономический факультет МГУ»
2007

УДК 330.1(075.8)
ББК 65.02я73

Ольсевич Ю. Я.

Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. Учебное пособие / Ю. Я. Ольсевич — «Экономический факультет МГУ», 2007 — (Учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

ISBN 5-16-002035-7

Курс служит дополнением к базовому курсу по истории экономических учений: он раскрывает механизм эволюции современной мысли в ходе взаимодействия экономической теории и хозяйственной политики на примерах рыночной трансформации в России и КНР. Рекомендации «шоковой терапии», отвергнутой в КНР, но принятой в Восточной Европе и России, сопоставляются с западными оценками хода и результатов реформ в этих странах. Выясняется, какие изъяны в исходных теоретических позициях привели к провалам в ходе российских реформ и какие задачи это выдвигает перед экономической наукой.Для студентов магистратуры экономического факультета МГУ и для студентов и преподавателей вузов, где читаются история экономических учений, экономическая теория и история.Учебный курс подготовлен при содействии НФПК – Национального фонда подготовки кадров в рамках Программы «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах» Инновационного проекта развития образования.

УДК 330.1(075.8)
ББК 65.02я73

ISBN 5-16-002035-7

© Ольсевич Ю. Я., 2007
© Экономический факультет
МГУ, 2007

Содержание

Введение 8
Часть первая. Трансформация экономики на Западе и Востоке и сдвиг в экономическом мышлении (в послевоенный период) 13
Глава 1. «Экономика среднего класса» на Западе, кризис «центрально-управляемого хозяйства» на Востоке и сущность монетаризма 13
1.1. Роль кейнсианства трансформации рыночной системы после Второй мировой войны 13
1.2. Кризис директивно-плановой системы и его отражение в «политэкономии социализма» 16
1.3. Сущность монетаризма и причины его торжества над кейнсианством с конца 1970-х годов 21
Выводы 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ю. Ольсевич
Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. Учебное пособие

© Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007
© Оформление. Издательский Дом «ИНФРА-М», 2007

* * *

250-летию Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова посвящается

Уважаемый читатель!

Настоящее учебное пособие выходит в рамках серии «Учебники экономического факультета МГУ им, М. В. Ломоносова», венчающей многолетние усилия коллектива факультета по обновлению содержания и структуры университетского экономического образования.

Переход страны к рынку потребовал пересмотра профессии экономиста, освоения и применения невостребованных ранее знаний, известных, может быть, лишь ограниченному кругу критиков «буржуазной» экономической мысли.

Для обогащения содержания экономического образования путем включения в него новых экономических дисциплин и обновления ряда традиционных нужно было переобучить преподавателей и решить проблему учебников. Первые попытки включения в учебные планы новых дисциплин показали невозможность этого в рамках одной ступени, поэтому, обновляя содержание, пришлось попутно решать проблему перевода обучения на двухступенчатую систему.

Истекшие 10 с небольшим лет – это годы освоения технологии двухступенчатого образования «бакалавр – магистр», которое факультет осуществляет без параллельной подготовки специалистов. Присоединение страны к Болонскому процессу сделало этот переход необратимым.

Все эти годы велась переподготовка преподавательского корпуса: благодаря программам международного сотрудничества около 160 преподавателей факультета в среднем не меньше двух раз стажировались в лучших зарубежных университетах.

Что касается учебников, то первые годы приходилось использовать лучшие зарубежные учебники, многие из которых были переведены преподавателями на русский язык. Сейчас пришло время готовить качественные отечественные учебники. Преподавательский корпус имеет возможность создавать оригинальные учебники и учебные пособия, подготовленные с учетом опыта преподавания и дифференцированные по уровню подготовки слушателей (учебники для программ бакалавров и учебники для программ магистров).

Решению этой задачи способствовало и участие факультета в Инновационном проекте Министерства образования РФ, финансируемом Всемирным банком. Непосредственным исполнителем проекта стал Национальный фонд подготовки кадров.

Благодаря этому проекту факультет в течение трех лет осуществил свой проект «Совершенствование высшего экономического образования в МГУ», в результате чего преподаватели

экономического факультета подготовили 74 учебника и учебных пособий по основным дисциплинам, формирующим профессии экономистов и менеджеров.

Мы считаем, что данные учебники в полной мере отражают наиболее важные достижения университетской экономической мысли, необходимые для полноценной подготовки экономистов и управленцев высшего звена.

Сейчас на экономическом факультете МГУ обучается более 3000 студентов, факультет располагает самой большой в стране магистратурой по экономике, наибольшим числом аспирантов по экономическим специальностям. Образовательное «поле» насчитывает более 300 общих дисциплин и специальных курсов. Часть общих курсов представлена в данной серии учебников.

Коллектив факультета с благодарностью примет замечания и предложения относительно улучшения предложенной серии учебников.

В. П. Колесов декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова профессор, доктор экономических наук

Введение

Учебное пособие рассчитано прежде всего на тех, кто решил сделать экономическую науку своей профессией. Экономиста не может не интересовать, какие факторы и в каком направлении движут его науку.

Конечно, ученые могут вместе с великим Торстейном Вебленом заявить, что исследованиями движут инстинкты любознательности и творчества, дарованные природой; однако ученый – не только дитя своих родителей, но и продукт общества, проблемы которого указывают ему на задачи, а история науки – на методологический инструментарий.

Специалист, как говорил Козьма Прутков, подобен флюсу, а поэтому, добавим мы, не должен зазнаваться. Экономика хотя и важнейшая, но лишь одна из подсистем общества, и она испытывает мощное влияние со стороны политики, права, социальной, культурной, идеологической и иных сфер жизни, Колин Кларк, известный англо-австралийский экономист, подчеркивал, что экономический подход к нехозяйственным сферам жизни столь же несостоятелен как инженерный к экономике.

Полвека назад Поль Самуэльсон сетовал на то, что государственные деятели не прислушиваются к выводам экономистов-ученых, и рекомендовал последним укрыться от политических бурь в «башне из слоновой кости» ради «чистой науки». Верно, что политики берут у ученых лишь то, что отвечает их текущим партийным интересам. Но верно и другое: политики приходят и уходят, а экономическая наука остается, ее влияние – долговременное. И в «башню из слоновой кости» ей уходить нельзя. Но нельзя и угождать политикам Иначе ученым приходится стыдиться вместе с ними Теория приспосабливаемая к текущим нуждам политики и идеологии перестает быть наукой У теоретической науки свои долговременные критерии истинности и свои кумулятивно-парадигмальные законы развития.

На протяжении большей части XX в. экономическая наука находилась под мощным воздействием великого противоборства капитализма и госсоциализма, начало которому положила Октябрьская революция 1917 г. в России и которое завершилось поражением последнего в ходе августовского переворота 1991 г, в Москве.

Поражение госсоциализма в экономическом соревновании с капитализмом – непреложный исторический факт. Однако вопросы о том, каким образом эта система смогла столь быстро сложиться и в 1950–60-е годы добиться выдающихся успехов в экономическом и научно-техническом развитии, почему в 1970-е годы наступила ее стагнация, а в 1980-е годы – явное разложение, – эти вопросы нельзя считать достаточно выясненными экономической наукой на Западе, а тем более на Востоке; для той и другой быстрый крах госсоциализма в 1989–1991 гг. оказался полной неожиданностью.

Эта неожиданность может служить достаточным свидетельством того, что сама исходная база начавшегося перехода от госсоциализма к рыночному капитализму оказалась слабо изученной, и о реальной конструкции разрушенного здания приходится теперь судить по отдельным блокам и балкам, хаотически загромоздившим фундамент неформальных институтов. А в какой степени изучена провозглашенная цель перехода – создать вместо централизованной плановой системы советского типа рыночно-капиталистическую систему того типа который действует в индустриально развитых странах Запада?

Конечно, рыночно-капиталистическая система теоретической наукой исследована несравнимо полнее, чем госсоциализм. Однако исследована в ее самом общем виде, в совокупности таких ее черт, которые присущи любой рыночной экономике, от Норвегии до Мадагаскара, от США до Непала. Эти общие черты не дают нам ответа, почему растет разрыв в экономическом развитии между странами «золотого миллиарда» и остальным миром. Дьявол порождающий этот разрыв скрывается в специфических чертах экономики и общества группы

развитых стран Что же касается особых типов рыночно-капиталистического хозяйства присущих отдельным странам то изучение этих типов экономической теорией только начинается и по свидетельству авторитетных западных ученых на главные вопросы однозначные ответы пока не получены. Вот что пишет по этому поводу известный немецкий экономист Ганс-Юрген Вагенер под чьей редакцией в 1988 г. вышел (на английском языке) коллективный труд «Экономическая мысль в коммунистической и посткоммунистической Европе»; «Неоклассический мэйнстрим находится под непрерывным подозрением и атаками со стороны посткейнсианства, эволюционной, институциональной, радикальной и других нестандартных школ мысли. Марксизм тоже в этом участвует… Несмотря на впечатляющее развитие экономической теории в течение пятидесяти послевоенных лет, остался ряд проблем, связанных с капиталистической рыночной экономикой, которые ни в теории, ни на практике не нашли удовлетворительного решения:

• Распределение дохода между зарплатой и прибылью, что является частью классического наследия, либо полностью игнорируется неоклассической теорией, либо объявляется «внешней», политической проблемой.

• Безработица стала перманентной чертой рыночной экономики. Она не поддается сокращению ни стандартными неоклассическими методами (например, гибкость зарплаты), ни посредством вмешательства извне. Как следует учитывать это постоянное отклонение от равновесия?

• Роль неценовых сигналов (которую, например, рассматривают Вейцман и Корнай) не ограничивается плановыми системами, но может быть использована для расширения рамок анализа равновесия в широком аспекте.

• Рост и развитие как в теории, так и на практике не принимаются в расчет должным образом и их возможности недостаточно реализуются. Это стало очевидно также и в ходе трансформации. До сих пор не объяснено, почему в процессе трансформации только Китай, в отличие от Центральной и Восточной Европы, избежал переходного кризиса и, наоборот, переживает период бурного роста, которого ожидали повсюду после дерегулирования» [1].

Список этих проблем может быть расширен, и здесь мы перечислим лишь некоторые из них:

• Является ли рыночный механизм устойчивой саморегулируемой и саморазвивающейся системой; в каком смысле, при каких условиях и в какой степени его можно считать таковым?

• Какова роль макроинститутов общества (прежде всего государства) в развитии и функционировании рынка? Чем руководствуются эти институты, каковы их реальные возможности?

• Могут ли рыночные отношения эффективно длительно сосуществовать, развиваться и взаимодействовать с нерыночными формами и существуют ли принципы и границы такого эффективного «соразвития»?

• Какие институты (неформальные и формальные) способны служить основой рыночного механизма и как разные типы этих институтов влияют на его действие?

• В каком соотношении находятся рыночный механизм и экономический рост? Возможно ли, чтобы рыночная система действовала как механизм деградации и разрушения национальной экономики? При каких институциональных и иных условиях?

• При каких условиях неравенство в распределении доходов и богатства из стимула действия рыночной системы превращается в дестимулирующий фактор? В каком соотношении находятся рыночный оптимум (по Парето) и социальная справедливость?

• Можно ли полагать, что послевоенный устойчивый экономический рост в группе развитых стран явился результатом взаимодействия рыночного механизма, специфического тех-

[1] Economic Thought in the Communist and Posi-Communist Europe. Ed. by H,-J. Wagener. London: Routledge, 1998. P. 26.

нического прогресса, институтов социализированного капитализма на микро- и макроуровнях и государственной экономической политики в национальном и международном масштабах?

• Является ли растущее отставание большинства стран мира результатом их институциональной невосприимчивости к техническому росту или оно есть результат «всасывания» мировых ресурсов роста (капитала, интеллекта) «насосом» техногенного роста группы развитых стран?

• Можно ли механизм рынка рассматривать как результат поведения человека, максимизирующего свой денежный доход, или это поведение объясняется более широким спектром критериев? (Например, стремлением максимизировать свой человеческий капитал.)

Вряд ли крайне противоречивые процессы перехода постсоциалистических стран от централизованной экономики крыночной позволили дать ясный ответ на указанные и другие вопросы. Однако они выдвинули их в центр дискуссий, что, на наш взгляд, позволило значительно продвинуть экономическую теорию в целом.

Переходные процессы обнажили невидимые на поверхности основы и показали, что за кажущейся простотой рыночного механизма скрывается глубокая и сложная институциональная инфраструктура, на развитие которой у Запада ушли столетия.

Известный американский экономист Мансур Олсон в книге «Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы» (1994) писал: «Переход от диктатур с плановой экономикой к демократиям с рыночной экономикой представляет собой не только одну из важнейших проблем наших дней, но и вызов некоторым привычным истинам.

Вопреки тому, что часто приходится слышать, процветающая рыночная экономика не формируется сама по себе, если предоставить капитализму свободу. Она требует специфической системы институтов и норм, которая отсутствует в большинстве стран мира. Наиболее процветающие страны обладают такой системой, нотам она считается чем-то само собой разумеющимся. В идеологических дискуссиях и научных исследованиях (как в странах с развитой рыночной экономикой, так и в тех, где идет процесс перехода к рынку) этим институтам и нормам обычно не уделяется должного внимания»[2].

Итак, заметим, что, согласно М. Олсону, в процветающих рыночных экономиках существует такая специфическая система институтов и норм, которой нет в большинстве стран мира. Иначе говоря, институциональная система «процветания» самым существенным образом отличается от институциональной системы «прозябания», хотя и там и тут может действовать рынок.

Заметим также, что этой специфической системе в дискуссиях и исследованиях «обычно не уделяется должного внимания» и что вызов этому «привычному» состоянию экономической мысли брошен именно необходимостью решения проблем переходной экономики. Тем самым Олсон подтверждает, что переход от плана к рынку обнажил «провал» в западной экономической мысли – ею до сих пор не дан ответ на главный вопрос: что представляет собой процветающая рыночная экономика как система?

Весьма четко и определенно указывает на изъяны ортодоксальной западной теории, ставшие серьезным препятствием эффективному проведению реформ в России и странах СНГ, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц (бывший ранее председателем Совета экономических консультантов при президенте США и старшим вице-президентом Всемирного банка): «Я утверждаю, что провалы реформ в России и во многих республиках бывшего Советского Союза обусловлены не тем что плохо осуществлялась в общем-то здравая политика. Причины неудач гораздо глубже, они коренятся в непонимании реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ. Модели реформ, опирающиеся на общепринятые положения неоклассической теории, скорее всего, недооценивают роль информационных

[2] *Олсон М.* Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994. С. 8–9.

проблем, в том числе проблем корпоративного управления, социального и организационного капитала, а также институциональной и правовой инфраструктуры, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики. Недооценивают данные модели и важность открытия новых предприятий и связанные с этим трудности»[3].

Провалы западной ортодоксальной теории проявились не только непосредственно, в тех моделях и рекомендациях, с которыми зарубежные экономисты участвовали в российских реформах с конца 1991 г., но и опосредованно, через то влияние, которое данная теория оказала на выработку взглядов советских экономистов-реформаторов начиная еще с 1970-х годов. По мнению ряда западных историков экономической мысли, указанное влияние способствовало выработке ошибочной «теории оптимального планирования» которая, в свою очередь, проложила путь ущербной концепции «перестройки» в 1980-х годах.

В цитированной выше книге Г.-Ю. Вагенер пишет: «Внешний наблюдатель из неудачи социалистического эксперимента может заключить, что существовала связь между плохой теорией и негодной политикой. И действительно, в главе о России прямо сделан такой вывод в отношении политики перестройки, которая была разработана видными учеными из школы оптимального планирования. Этот пример обнаруживает дилемму: теория оптимального планирования была превосходной по западным профессиональным стандартам. Однако она оказалась явно непригодной а поэтому плохой теорией для улучшения или реформирования советской экономики 1980-х годов. Она не знала таких понятий как "деньги", "институты", "индивидуальное повеление", которые имеют решающее значение в данном контексте» [4].

Вагенер отмечает, что ни на Западе, ни на Востоке не было разработано формализованной модели социалистической системы вообще и социалистической экономики – в частности. Поэтому и подходы к реформированию в странах Центральной и Восточной Европы после 1970 г. носили прагматический характер и были лишены теоретической базы. «На вопрос о том, что является направляющей парадигмой в их теоретических исследованиях, большинство экономистов в проводящих реформы странах Центральной и Восточной Европы указывали для послереформенного периода (т. е. после 1970 г.) на неоклассику и кейнсианство, хотя признавали, что испытывают значительное влияние институционализма, который сам все еще находится в поисках парадигмы»[5].

Из этого следует также, что, когда начался процесс системной трансформации и западные эксперты-монетаристы прибыли со своими «шоковыми» рекомендациями, экономисты названных стран не располагали теоретической основой для критической оценки совокупности этих рекомендаций и могли либо соглашаться, либо выдвигать возражения лишь идеолого-политического, социального или практически-экономического порядка.

Значительно позже западными критиками «шоковой терапии» был выдвинут тезис; лучше не иметь никакой теории, чем неправильную теорию. Однако «неправильность» применяемой на практике теории выясняется, к сожалению, слишком поздно и понесенные при этом потери есть плата за отсутствие теории, приближенной к реальности, а не за дурную привычку подпадать под влияние теории вообще. Естественная природа человеческого общества не терпит теоретического вакуума.

Видный французский теоретик «регулятивизма» Роберт Буайе полагает, что решение проблем, поставленных переходной экономикой России, – это основной критерий значимости современной экономической теории. «…Ибо "великое преобразование" России ставит множество проблем, не находящих очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий… Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому что все экономические

[3] Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 4.

[4.] Economic Thought in the Communist and Post-Communist Europe. Ed. By H.-J. Wagener. London: Routledge, 1998. P. 4.

[5] Economic Thought in the Communist and Post-Communist Europe. Ed. By H.-J. Wagener. London: Routledge, 1998. P. 17.

теории полностью преобразятся или окончательно утратят свое значение И теории регуляции тоже!»[6]

* * *

Учебное пособие включает три части.

В первой части (главы 1, 2) мы прослеживаем, каким образом сложилась экономическая «платформа» Вашингтонского консенсуса, которая послужила теоретической основой для системы рекомендаций «шоковой терапии». Этот вопрос требует исторического подхода: ведь если условно представить, что системная трансформация СССР происходила бы не в 1990-е, а в 1960-е годы, то и рекомендации экспертов МВФ существенно отличались бы от тех, которые были даны ими в конце 1991 г., ибо с тех пор эта «платформа» МВФ из кейнсианской стала монетаристской.

Во второй части (главы 3–6) выработанные рекомендации и их обоснования сопоставляются с западными оценками хода и результатов реформ в Китае и России; при этом выясняется, какие изъяны в исходных теоретических позициях реформаторов привели к провалам в ходе российских реформ и какие неучтенные и нерешенные задачи в этой связи стоят перед экономической наукой.

В третьей части (главы 7–12) приводится материал о том, каким образом западные ученые разных направлений стремятся решить эти задачи и как это влияет на современную эволюцию экономической мысли в целом.

[6] *Буайе Р.* Теория регуляции. М., 1997. С. 31.

Часть первая. Трансформация экономики на Западе и Востоке и сдвиг в экономическом мышлении (в послевоенный период)

Глава 1. «Экономика среднего класса» на Западе, кризис «центрально-управляемого хозяйства» на Востоке и сущность монетаризма

В этой главе будут рассмотрены процессы трансформации в экономике развитых стран Запада и стран госсоциализма в 1950–60-е годы как объективная основа последующего принципиального сдвига в экономическом мышлении в указанных странах. Будут предложены ответы на вопросы:

• Чем отличается рыночный механизм, сложившийся в развитых странах Запада после Второй мировой войны, от рынка, функционировавшего между двумя мировыми войнами?

• В чем причины кризиса директивно-плановой экономической системы в СССР, КНР и других странах госсоциализма?

• Каковы исходные теоретические расхождения монетаризма с кейнсианством, со взглядами последнего на экономическую роль государства?

• Почему в теоретическом споре победу в конце 1970-х годов одержал монетаризм и какую роль в этом сыграл кризис госсоциализма?

1.1. Роль кейнсианства трансформации рыночной системы после Второй мировой войны

Основной сдвиг, который произошел в мышлении большинства экономистов стран Запада в 1970–80-е годы, – переход с кейнсианских на монетаристские позиции в понимании рынка и пересмотр взглядов на роль государства в экономике.

Джон Мейнард Кейнс и его последователи считали рынок неустойчивой системой, влекущей экономику к состоянию хронической депрессии. В опубликованной в 1936 г. книге «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнс объяснял этот порок рынка перманентным «недостатком эффективного спроса»: «предпочтение ликвидности» заставляет людей откладывать часть своих денежных доходов «в кубышки» вместо того, чтобы тратить на приобретение товаров и услуг. В дополнение к этому выдающийся американский кейнсианец Элвин Хансен в книге «Экономические циклы и национальный доход» (1951) показал, что и те сбережения, которые вложены в банки, не используются в достаточной мере, поскольку возможности инвестирования весьма ограничены (слабым ростом населения, медленным техническим прогрессом и отсутствием новых источников сырья).

Характеристики рыночного механизма, содержащиеся в кейнсианской теории, в общем соответствовали реалиям экономики США и стран Западной Европы в 1920-х и особенно в 1930-х годах, когда развернулась хроническая депрессия. Для этого периода характерны глубокое неравенство в распределении доходов и концентрация национального богатства в руках немногих. В таких условиях рынок не может обеспечить устойчивого роста платежеспособного спроса высокой занятости накопления человеческого капитала Неполная занятость ресурсов толкала цены и зарплату вниз и чтобы этому воспрепятствовать крупные фирмы и профсоюзы стремились к их монопольному регулированию.

Неравенство, недостаток спроса и монополизм и образовали порочный круг хронической депрессии. Чтобы выйти из этого круга, по мнению кейнсианцев, необходимо было систематическое государственное вмешательство, направленное на обеспечение эффективного спроса и поддержание инвестиционного процесса.

Эффективность антикризисной политики администрации Ф. Рузвельта в 1930-е годы, а особенно мер государственного воздействия на экономику в США, Западной Европе и Японии в 1950–60-е годы, в общем подтвердила правильность кейнсианского подхода. В арсенале этих мер были умеренная инфляция для поощрения расходов, понижение процента – для сдерживания сбережений и стимулирования инвестиций (как производственных, так и потребительских) финансирование региональных, международных и научно-технических проектов и программ регулирование занятости и доходов, развитие системы социального страхования и др.

Благодаря этим мерам, компенсировавшим исходную неустойчивость рыночного механизма и ускорившим технический прогресс, на Западе после Второй мировой войны начался беспрецедентный экономический рост, который продолжался почти без перерыва четверть века – до начала 1970-х годов.

Казалось бы, этот рост должен был обеспечить триумф кейнсианства, но история часто неблагодарна к своим творцам; все вышло наоборот. Дело в том, что в ходе послевоенного развития совершился тихий, но кардинальный переворот в институциональных основах рыночного механизма. У ряда американских авторов этот переворот получил название «тройственная революция». Это, конечно, была не только американская революция, она – с некоторым лагом – распространилась на все индустриально развитые страны Запада.

Во-первых, нобелевский лауреат Саймон Кузнец показал, что произошла революция в доходах: национальный доход стал распределяться гораздо более равномерно между различными слоями населения, причем его преобладающая часть (60–70 %) стала приходиться на долю «среднего класса», включающего 40–50 % населения.

Во-вторых, было отмечено широкое рассредоточение, «рассеивание» собственности. Это выразилось в том, что преобладающая часть воспроизводимого национального богатства переместилась из формы крупных промышленных предприятий в форму недвижимости (мелкие фирмы в производстве и услугах, жилье) и предметов длительного пользования «среднего класса»; десятки миллионов представителей этого класса стали держателями акций и облигаций крупных корпораций вкладчиками банков.

В-третьих, известные американские ученые А, Берли, Б. Минз, Дж. К. Гэлбрейт показали, что в условиях усложнения производства и технологий произошла «революция управляющих», означающая, что в крупных корпорациях принятие решений перешло от собственников к многочисленным специалистам–менеджерам, инженерам, ученым – на всех уровнях управленческой иерархии (которую Гэлбрейт назвал «техноструктурой).

Перемещение центра тяжести в экономике от крупного капитала к «среднему классу», обладающему образованием, квалификацией, накоплениями, воспринималось кейнсианцами и институционалистами как ослабление частнособственнических начал и усиление потребности общества в государственном регулировании. Гэлбрейт выдвинул в качестве близкой перспективы «новое индустриальное общество», где руководящая роль будет принадлежать университетам («профессорскому сословию»), а исполнителями будет «техноструктура» корпораций, где государственный план заменит хиреющий рынок. Нобелевские лауреаты голландец Я. Тинберген и норвежец Р. Фриш выступили с концепцией «конвергенции» капитализма и социализма.

Тенденция к «огосударствлению» капитализма и его частичной «социализации» была в 1950–60-е годы очевидной, она лежала на поверхности явлений. Однако в глубине хозяйства набирала силу противоположная тенденция, которая, подобно слону в зоопарке, в глаза не бросалась и замечена была вначале только немногими, В числе этих немногих следует назвать

прежде всего англо-австралийского экономиста Колина Кларка и французского – Жана Фурастье.

Если авторы концепции «тройственной революции» указали на принципиальные сдвиги в сфере распределительных отношений и в сфере управления, то Кларк и Фурастье в своих работах 1940–50-х годов сконцентрировали внимание на долговременном сдвиге в составе потребностей и в отраслевой структуре производства и занятости в пользу сферы услуг и мелкого предпринимательства за счет доли промышленности и крупных корпораций, Фурастье назвал этот сдвиг «великой надеждой XX в.» надеждой на возрождение конкурентного рынка как основы демократии.

Проблему следует поставить еще шире и указать, что в послевоенные десятилетия завершился переход хозяйства на принципиально новую индустриальную базу – базу инфраиндустрии. Еще К. Кларк отметил, что комбинация автомобиля с телефоном создала качественно новые условия для предпринимательства. Инфраиндустрия (общедоступная сеть электро-, газо, нефте-, водоснабжения канализации транспорта, связи и информации) стирает различия в эффективности между мелким и крупным бизнесом во многих сферах а особенно в услугах техническом новаторстве мелкосерийном производстве.

Теперь мы имеем необходимые точки опоры, чтобы обрисовать ту генеральную тенденцию послевоенной трансформации рынка, которая развивалась «подспудно» параллельно с процессами огосударствления и социализации (и в значительной степени благодаря им и в конечном счете оказалась преобладающей. Это тенденция к формированию устойчивого, саморегулируемого и саморазвивающегося конкурентного рынка.

Исходный пункт этой картины – государственная политика поддержания платежеспособного спроса, высокого уровня занятости и доходов, устойчивого роста. Особое значение имеют государственная поддержка развития инфрасистем, образования и научно-технические программы. В ходе роста эффективности и объемов производства средний класс превращается в решающую силу экономики, он предъявляет растущий спрос на жилье, услуги, технически сложные предметы длительного пользования и этим стимулирует техническую революцию и мелкое предпринимательство т. е. расширение собственного поля деятельности. По мере накопления в руках среднего класса богатства рыночный спрос на товары и услуги все больше зависит не только от текущих доходов но и от размеров и структуры этого богатства.

В таких условиях рынок в принципе становится устойчивым, самодостаточным механизмом, несмотря на его всем известные «провалы». Как давно выяснила западная теория, рынок – это организм, от рождения страдающий дефицитом информированности, монополизмом, экстерналиями и другими существенными, но не смертельными изъянами.

Кейнс писал не об этих частных пороках, а о смертельной болезни – склонности рынка к самоудушению из-за хронического недостатка спроса. Так вот, от этой болезни рынок в 1950–60-е годы избавился. Если рынок в 1930-е годы можно было сравнить с калекой на костылях, то в 1960-е годы – со спортсменом, который бегает быстро, хотя и хром от рождения.

Если мы проследим этапы эволюции рынка в Новой истории, как это сделал известный французский исследователь Ф. Бродель, то увидим, что рынок был равновесной системой, когда он базировался на мелкой собственности. Рынок превратился в динамичную, но неустойчивую систему, когда его основой стал раскол общества на крупную буржуазию и пролетариат; его начали сотрясать крутые подъемы и кризисы и он неоднократно погружался в длительные депрессии (с кульминацией в виде мирового кризиса 1929–1933 гг.). Одновременно динамичной и равновесной системой рынок стал только тогда когда регулируемый государством рост в 1950–60-е годы привел к созданию новой институциональной базы рынка в виде обширного «среднего класса» с его мощным «человеческим капиталом», высокими доходами значительными накоплениями и неограниченными потребностями в технически сложных товарах и высококачественных услугах.

Но нужно ли такому рынку государственное регулирование? Этот вопрос со всей остротой встал во второй половине 1970-х годов, и мы к нему еще вернемся. А теперь обратимся к тем трансформациям, которые происходили в экономике СССР и Китая в 1950–70-е годы.

1.2. Кризис директивно-плановой системы и его отражение в «политэкономии социализма»

В странах госсоциализма в послевоенные десятилетия также происходили значительные институциональные изменения. В условиях быстрого промышленного роста резко увеличилась доля городского населения за счет сельского, повысились образовательный уровень и информированность людей, значительно расширились потребности. Сформировался многомиллионный класс «социалистической интеллигенции», чей потенциал был лишь частично востребован «плановой системой», чьи потребности намного превосходили доходы не достигавшие даже уровня доходов среднего рабочего.

Основной сдвиг в экономическом мышлении в этих странах состоял в постепенном осознании двух фактов: во-первых, что эффективное хозяйство возможно развивать только на основе сильных материальных стимулов (включая свободу потребительского выбора), а не на основе «сознательности» одних и принуждения к труду других; во-вторых что эффективность предполагает быстрый технический прогресс который зависит не только от наличия материальных стимулов но и от возможности свободного выбора предприятиями ресурсов технологий и продуктов.

Совместимы ли сильные материальные стимулы и свобода выбора товаров, ресурсов, технологий с директивно-плановым хозяйством? (Вопрос об их совместимости с государственной собственностью на средства производства встал в практической плоскости значительно позже.)

Длительные теоретические дискуссии, которые велись по этим проблемам в предвоенные и послевоенные десятилетия как на Западе, так и на Востоке, не привели к однозначному выводу. Тем более важен опыт стран госсоциализма, где эту проблему пытались решить на практике. Неоднократные попытки реформ обнаружили несовместимость директивного плана, с одной стороны, и сильных материальных стимулов, свободы выбора – с другой; хозяйственные руководители и экономисты на практике все более убеждались в необходимости для реализации последних перехода к рынку и трансформации планирования из директивного в индикативное.

Однако за директивным планом стояли глубоко укоренившиеся властные институты госсоциализма – аппарат компартий и советов, ВПК, репрессивные органы, хозбюрократия. Этот «государственный истэблишмент» (по Р. Кэмпбеллу) рассматривал директивный план не только как метод хозяйственного управления, но и как один из трех взаимосвязанных инструментов своего политического господства (наряду с марксистской идеологией и механизмом принуждения).

Разумеется, директивное планирование могло быть инструментом политического господства только до тех пор, пока оно было способно выполнять полезную хозяйственную функцию.

Директивное планирование помогло за пять лет (1946–1950) восстановить разрушенную войной экономику СССР при сохранении его колоссальной военной мощи и установлении господствующего влияния в Центральной и Восточной Европе и в Юго-Восточной Азии. Однако сталинский вариант госсоциализма – режим сверхнапряжения и репрессий уже в начале 1950-х годов вступил в полосу коллапса, о чем говорили мятежи в ГУЛАГе, острейший продовольственный кризис, «бегство» Югославии, разногласия в правящей верхушке партии.

После смерти Сталина (1953) Хрущев поэтапно развернул антибюрократическую трансформацию госсоциализма по четырем направлениям; резко ограничил власть репрессивного

аппарата и ликвидировал ГУЛАГ; децентрализовал управление хозяйством, создав совнархозы и упразднив отраслевые министерства; реорганизовал партаппарат в центре и на местах, превратив его в органы управления промышленностью и сельским хозяйством; усилил материальное стимулирование в колхозах и совхозах (урезав при этом личные хозяйства работников). Перед Госпланом в качестве центральной была поставлена задача обеспечить сбалансированный рост (вместо преимущественного роста производства средств производства как это было раньше).

Эти изменения, проводимые под лозунгом ускоренного перехода к высшей фазе коммунизма, частично подорвали бюрократический централизм и дали ощутимый стимул росту экономики, особенно в сельском хозяйстве и жилищном строительстве. Однако сочетание директивного планирования с «тотальным» контролем партаппарата над экономикой оказалось не в состоянии решить кардинальных проблем – требуемого повышения эффективности и доходов населения.

Восстание в Будапеште в 1956 г. и мятеж рабочих в Новочеркасске в 1961 г. подтолкнули консолидацию партбюрократии против Н. С. Хрущева. Со своей стороны, к новому раунду антибюрократической встряски готовился и Хрущев (о чем свидетельствовала не только подготовка новой Конституции, но и, в частности, полупубличное чтение в 1963 г. на его сочинской даче сокрушительной сатиры Твардовского «Василий Теркин на том свете», направленной прежде всего против партаппарата и КГБ и сразу же опубликованной в официозных «Известиях»).

До этого Хрущев трижды вступал в решающие схватки с верхушкой бюрократии – в 1954, 1957 и 1961 гг. и трижды выходил победителем. Но осенью 1964 г. он был свергнут сплоченной хунтой партбюрократов и генералов во главе с Л. И. Брежневым. Последовала ликвидация совнархозов и реставрация отраслевой министерской и территориальной партаппаратной системы управления, а частично и функций репрессивных органов. Однако сдвиг, который был осуществлен Хрущевым еще в 1950-е годы – перемещение центра экономической власти из Совета министров в аппарат ЦК КПСС был сохранен.

Провал реформ Хрущева показал, что госсоциализм и власть бюрократии неотделимы друг от друга, и в этом отношении правы оказались либеральные критики социализма – Л. Мизес и Ф. Хайек. Вместе с тем реформы Хрущева расшатали и частично подорвали бюрократическую систему, они содействовали тому неформальному процессу переоценки ценностей, сдвигу в приоритетах, который происходил в массовом сознании со времени окончания Второй мировой войны. Возврата к жесткой централизации уже быть не могло, и сама бюрократия искала новые формы и методы управления экономикой, в ней обнаружился раскол.

В бюрократизированном обществе раскол в правящей элите проявляется в столкновении интересов и позиций ведомств и их «блоков». В СССР это было различие позиций партгосаппарата, ВПК, карательных структур, верхушки хозяйственного управления, аграрного «лобби», наиболее мощных региональных элит. Благодаря этим различиям и могли в условиях тотальной цензуры существовать и развиваться взаимоисключающие теоретические концепции.

Уже в условиях реформы Хрущева проявился кризис официальной «политэкономии социализма», ее раскол на противоборствующие течения. Потенциальная возможность такого кризиса заключалась в противоречивой природе самой экономической системы госсоциализма. Эту систему нельзя сводить к «вертикальным» командным связям, которые составляли лишь верхнюю часть пирамиды; основанием же служили товарно-денежные связи между предприятиями, между ними и населением. Разумеется, эти «горизонтальные» связи регулировались (и деформировались) плановыми заданиями, ценами и другими нормативами, устанавливаемыми «сверху». Однако нельзя забывать, что и само планирование было весьма жестко ограничено теми параметрами, которые диктовались условиями «горизонтального» оборота товаров и услуг; издержками, технологией, отраслевыми и территориальными пропорциями и

др. Централизованное давление на предприятия с целью понизить издержки, капиталоемкость, повысить качество продукции было малоэффективным. Фактически центральные органы при составлении плана были «свободны» принимать решения лишь в отношении инвестиционного фонда да и то за вычетом средств необходимых для возмещения износа оборудования и увеличения запасов. Не случайно уже сразу после создания основ экономики госсоциализма в конце 1930-х годов сами «вожди» заговорили о действии в ней «объективных законов» и что особенно интересно «закона стоимости».

В 1960-е годы в рамках «политэкономии социализма» сформировались враждующие позиции – «антитоварников» и «товарников». Первые, полагая, что социализм несовместим с рынком, а товарно-денежный обмен лишь расшатывает социализм и препятствует переходу к высшей фазе – коммунизму, выступали за постепенное свертывание этого обмена (как это и намечал Сталин в 1951 г. в работе «Экономические проблемы социализма в СССР»), Вторые же считали социализм формой товарного производства и выступали за длительную фазу сосуществования директивного плана и рынка. Существовала и третья компромиссная и весьма расплывчатая позиция согласно которой социалистическое производство товарным не является но имеется «товарное производство при социализме». Иначе говоря товарное производство допускается на определенных этапах и в определенных сферах социалистической экономики.

Необходимо сказать и о концепциях рыночного социализма, получивших в этот период некоторое распространение в СССР и также свидетельствовавших о кризисе официальной теории. Один вариант этой концепции, явно отражавший опыт Югославии в этой сфере, а также частично опыт реформ Я. Кадара в Венгрии, допускал мелкую частную собственность и собственность трудовых коллективов на предприятия, рыночную конкуренцию, замену директивного плана индикативным. (Некое подобие этого варианта явилось «победителем на час» в СССР в 1987–1990 гг.)

Другой вариант явно был инспирирован неоклассическими экономико-математическими работами Э. Бароне и В. Парето по теоретическому моделированию централизованной экономики. Согласно концепции «оптимального плана» директивное планирование сохраняется, но оно должно базироваться на ценах и других параметрах, математически вычисленных по правилам, приближенным к тем, которые действуют на свободном, конкурентном рынке. Тем самым «физический» рынок заменяется «кибернетическим» а предприятия ставятся в условия «виртуальной конкуренции» но с реальными финансовыми последствиями.

Интересно отметить два обстоятельства. Во-первых, исследования по оптимальному планированию в СССР и на Западе рассматривались как весьма прогрессивные, однако политэкономически они были близки позициям «антитоварников», поскольку не затрагивали ни директивности плана, ни государственной собственности на предприятия. Во-вторых, именно эти исследования были частично использованы для совершенствования методологии директивного планирования и системы централизованного снабжения в 1970–80-х годах.

В начале 1960-х годов не только большинство экономистов СССР и Восточной Европы, но и все возраставшее число хозяйственных руководителей были склонны считать, что социалистическому производству следует придать, наконец, товарный характер. Что это означало на практике?

Реформу премьера Н. Косыгина, начатую с 1965 г., можно охарактеризовать как попытку, направленную в конечном счете на соединение директивного плана с рыночным механизмом. Эта реформа делила продукцию промышленных предприятий на две части: одна часть подчинялась директивному госзаказу и реализовалась адресно по плановым ценам; другая часть продукции выпускалась и продавалась на основе договоров, свободно заключаемых между поставщиками и заказчиками. Предприятия получили право свободно продавать другим предприятиям (но не физическим лицам) излишние запасы и оборудование. Основным показате-

лем результатов работы предприятия становилась прибыль (вместо объема выпуска, как было раньше).

За счет прибыли формировались фонды предприятия: фонд развития производства, фонд социального развития и фонд материального поощрения. В результате на поэтапно реформируемых группах предприятий ускорилась модернизация, развернулось строительство жилья, детских садов, спорткомплексов, поликлиник и других социальных объектов, существенно возросла зарплата Это были явные шаги от государственного социализма к рыночному социализму. Впервые в СССР предприятия были признаны самостоятельными субъектами со своими экономическими интересами.

При этом сохранялся общий обязательный план выпуска, под который по твердым (как правило, заниженным) ценам выделялись «фондируемые» ресурсы – металл, топливо, электроэнергия и т. д. Поэтому сразу же возникли конфликты между, с одной стороны, предприятиями, заинтересованными в использовании возможно большей части этих ресурсов для производства прибыльной «договорной» продукции, и, с другой стороны, Госпланом и министерствами, стремившимися максимально расширить рамки госзаказа. В свою очередь, Минфин за которым стоял ненасытный ВПК успешно боролся за конфискацию «чрезмерной» прибыли предприятий а министры и вся верхушка бюрократии не скрывали зависти к высокой зарплате их директоров. По мере продвижения реформы ситуация вокруг нее и лично Косыгина не сглаживалась а накалялась даже в Политбюро ЦК раздавались голоса что «реформа нам не нужна».

Реформа в СССР стимулировала еще более радикальную рыночную реформу в Чехословакии (связанную с именем экономиста Ота Шика). За ней последовала «бархатная революция» 1968 г. в Праге, провозгласившая целью построение «социализма с человеческим лицом», подавленная войсками Варшавского договора. И снова напуганная бюрократия СССР реформу в стране постепенно и скрытно свернула, вернувшись, по существу к «одноколейной» системе директивного плана, означавшей полное «огосударствление» экономики. Темпы роста и эффективность хозяйства повысившиеся в годы реформы (1966–1970) затем стали снижаться.

В 1970-х годах наступил печально знаменитый «брежневский застой», прикрываемый бурной бюрократической деятельностью по «совершенствованию системы планового управления и материального стимулирования». По существу же «застой» означал разложение госсоциализма изнутри, поскольку неформальные институты общества (т. е. фактические ценности и нормы поведения населения) все больше расходились с формальными институтами (официально провозглашаемыми принципами и нормами). Результатом было падение трудовой морали, систематическое невыполнение планов, эрозия качества продукции, искажение информации, непотизм, коррупция, массовые хищения, распространение теневой экономики и т. п. Отметим одну деталь картины, которая в дальнейшем – во второй половине 1980-х годов – сыграла роковую роль в судьбе госсоциализма: мы имеем в виду алкоголизм, охвативший не только «широкие слои трудящихся», но и правящую бюрократию благодаря чему «застойная эпоха» именовалась в народе «застольной».

В КНР кризис госсоциализма развивался в иных формах. После окончания гражданской войны в 1949 г. восстановление и развитие хозяйства шли вначале по сталинской модели жесткого директивного планирования, индустриализации и коллективизации, которая вскоре обнаружила свою низкую эффективность. Партийно-государственное руководство в своем большинстве после 1953 г, склонялось к усилению роли материальных стимулов и рыночных начал (полагая очевидно, что условия КНР в тот период позволяли использовать успешный опыт российского нэпа 1920-х годов). Однако наблюдая что реальная власть при этом переходит к быстро растущей «прохрущевской» бюрократии Мао Цзедун и его военно-революционное националистическое окружение провозгласили с 1958 г политику «большого скачка» с целью

перехватить инициативу и управлять хозяйством как огромной «трудовой армией», опираясь на пропаганду и принуждение.

Сокрушительный провал «большого скачка» и фактическое отстранение от власти не убавили у Мао и его сторонников стремления свергнуть «тех, кто идет по капиталистическому пути», т. е. правящую партийно-государственную и хозяйственную бюрократию. Выждав время и накопив силы, опираясь на армейскую верхушку и учащуюся молодежь, Мао Цзедун со второй половины 1960-х годов (т. е. как раз в годы косыгинской реформы в СССР) развертывает кровавую «культурную революцию» основной лозунг которой «огонь по штабам!», т. е. по аппарату управления по бюрократии. Основная направленность «революции» – та же что и в политики «большого скачка» возврат к чисто командной экономике «военного коммунизма». Как и в годы «большого скачка», главным аргументом служила подготовка к войне с «мировым империализмом».

Таким образом, если в СССР кризис полувоенной сталинской модели госсоциализма с начала 1950-х годов нашел выражение в усилиях по внедрению в нее элементов политической терпимости и рынка, то в КНР кризис госсоциализма приобрел форму конвульсивной и разрушительной борьбы «советской» модели госсоциализма с китайской разновидностью «военного коммунизма». В итоге госсоциализм был разрушен маоистами, а созданный ими военизированный строй рухнул под бременем порожденных им разорения и нищеты – со смертью «великого кормчего» в 1976 г.

Из заключения вышли десятки тысяч бывших руководителей, обвиненных Мао в том, что они «шли по капиталистическому пути», в их числе Дэн Сяопин. В ходе жестокой «культурной революции» большинство китайских руководителей прошли через хунвейбиновские и армейские «лагеря перевоспитания», где на всю жизнь получили прививку против «вождизма», милитаризма, централизма, идеологизации и других «революционных болезней» и укрепились в необходимости гибкого, прагматического реформаторства. Дэн Сяопин и его сторонники, отстранив от власти маоистскую «банду четырех» начали с 1978 г. постепенные грандиозные по размаху рыночно-капиталистические реформы.

Как видно, Сталин и Мао Цзедун были не так далеки от истины и не слишком лукавили, когда обвиняли своих соратников по партии, призывавших использовать материальные стимулы и рыночные отношения, в уступках капитализму. Сталина и Мао следует обвинять в теоретическом примитивизме и в кровожадности, однако они хорошо изучили человеческую психологию, этим всю жизнь и занимались. И они с основанием полагали, что нормальное поведение человека (в отличие, скажем, от поведения в популяциях муравьев, пчел, сельди) несовместимо с любым казарменным строем общества. Чтобы сделать его совместимым с таким строем, сознание людей необходимо «зомбировать» военно-революционной, т. е. экстремальной психологией В этой экстремальности – обреченность тотального огосударствления.

Негативное отношение к тоталитарным и авторитарным режимам не мешало западным экономистам и политикам внимательно следить за ходом развития государственной экономики в странах госсоциализма. Длительное понижение эффективности и темпов роста в СССР в 1970-е годы, коллапс экономики КНР серьезно подорвали международную репутацию методов централизованного управления хозяйством (которая сохранялась в социал-демократических и левых кругах) и послужили хотя и косвенным, но весьма веским дополнительным аргументом в пользу пересмотра как теоретических, так и практических взглядов на экономическую роль государства. Социал-демократия придерживалась принципа «демократический контроль общества над государством и контроль государства над экономикой» (Р. Ловенталь), который и стал объектом критики.

1.3. Сущность монетаризма и причины его торжества над кейнсианством с конца 1970-х годов

Трансформация рыночной системы на Западе и кризис госсоциализма на Востоке явились реальной основой для «неоконсервативной волны» в экономической мысли – роста негативного отношения к государственному вмешательству в хозяйственную жизнь. Теоретическим ядром здесь служит «монетаризм», представители которого выступили с развернутой критикой теории и методологии кейнсианства.

Признанный лидер монетаристов нобелевский лауреат Милтон Фридмен выделил три связанных друг с другом базовых предположения кейнсианской теории, которые он считает ошибочными.

Первое предположение состоит в том, что спрос на деньги («функция предпочтения ликвидности») в условиях неполной занятости является в высшей степени неустойчивым.

Второе предположение; равновесие при неполной занятости является долговременным, а не краткосрочным состоянием, поскольку неполная занятость по Кейнсу объясняется не частными изъянами рыночного механизма (негибкость цен и зарплат, структурные лаги и т. п.), а фундаментальным пороком системы.

Третье предположение; негибкость цен и зарплат как реакция на хроническую неполную занятость ведет к тому, что краткосрочные колебания спроса вызывают колебания производства и занятости.

Все эти предположения вместе означают, что Кейнс в своей теории не доказывал, а *предполагал,* что рынок – это неустойчивый и негибкий механизм.

М. Фридмен объясняет, почему он считает все эти предположения ошибочными; «Кейнс делает ударение на инвестиционных расходах и на стабильности функции потребления, а не на запасе денег и на стабильности функции спроса на деньги». И еще более определенно: «Ошибка Кейнса состояла в игнорировании роли богатства при построении функции потребления».

В новой трактовке содержания и функций богатства (и денег как одной из его форм), в том, что не поток доходов, а запас богатства образует основу механизма рыночного равновесия, состоит теоретическая сущность монетаризма.

К пяти основным формам богатства М. Фридмен относит деньги (агрегат Ml), облигации, акции, физические блага, человеческий капитал. Каждая из этих форм богатства способна приносить доход как в денежной, так и в неденежной форме. Например, деньги могут приносить доход не только в виде процентов по депозитам, но и в виде удобства, надежности, гарантий и т. д. Фридмен исходит из расширительного понимания дохода, а следовательно и богатства. «Богатство включает все источники "дохода" или потребительских благ. Одним из этих источников является производительная способность самого человеческого бытия. С этой точки зрения сама учетная ставка выражает соотношение между богатством выступающим как запас и доходом который выступает как поток При столь общем подходе доходу не может быть приписано обычное значение которое мы привыкли измерять»[7].

Итак, определяющей основой модели является богатство «первичных собственников», т. е. населения, и фирм, служащее источником доходов. В рамках данной модели центральной проблемой, которую решает каждый собственник, является оптимизация структуры принадлежащего ему богатства с целью максимизировать совокупную полезность своих доходов. Тем самым максимизируется и полезность самого богатства. «Обладание одной формой богатства

[7] *Friedman M.* Quantity Theory of Money. In The New Palgrave, Money. Ed. By J. Eatwell e. a. London, 1989.

вместо другой означает изменение в потоке доходов а эти различия и составляют фундаментальную сущность "полезности" каждой отдельной формы богатства»[8].

Теперь мы подходим к той части теории современного монетаризма, которая имеет ключевое значение для его практических рекомендаций. Если деньги и для населения, и для фирм – это одна из форм богатства, приносящих доход, то спрос на деньги определяется их предельной доходностью в сопоставлении с предельной доходностью других форм богатства. Поскольку объем и структура богатства инерционны и деньги занимают в них устойчивое место, *совокупный спрос на деньги также должен быть величиной устойчивой,* изменяющейся лишь пропорционально долговременному росту ВВП и национального богатства.

Этот тезис современного монетаризма разительно отличается как от традиционного неоклассического, так и от кейнсианского подхода, хотя формально представители всех трех течений экономической мысли принадлежат к сторонникам количественной теории денег. Дело в том, что «неоклассики» рассматривали деньги прежде всего как посредника в обращении товаров, а кейнсианцы, хотя и обратили особое внимание на «денежный запас», объясняли «предпочтение ликвидности» страховыми и спекулятивными функциями этого «запаса». В мэйнстрим экономике преобладали трактовки денежного запаса как «кассовых остатков» что было весьма далеко от понимания денег как равноправной (формы богатства приносящей доход.

Устойчивость спроса на деньги и всего рыночного механизма, опирающегося прежде всего на богатство «первичных собственников» и фирм, опровергает предположение Кейнса о «врожденной» неустойчивости рынка.

Другое предположение Кейнса – о «врожденном» тяготении рынка к установлению равновесия на уровне неполной занятости означает, что на руках у населения и в банках образуется избыток денег, которые не расходуются на приобретение товаров потребительского и производственного назначения. Но поскольку деньги – одна из относительно взаимозаменяемых форм богатства, хронического избытка денег (как и любой другой формы богатства) возникнуть не может.

Раз такого состояния рынка, как перманентное равновесие при неполной занятости, в принципе не существует, то отпадает вывод о неизбежной реакции на него в виде жесткой закрепленности цен и зарплат; теория рынка должна исходить из гибкости тех и других.

Отсюда монетаристы приходят к заключению, что рынок сам способен оптимально регулировать структуру и рост богатства, его распределение между агентами рынка; от государства требуется лишь поддерживать предложение денег в экономике в соответствии со спросом на них, т. е. в соответствии с долговременным темпом роста ВВП.

Тем самым монетаризм отвергает кейнсианский вывод о том, что без систематического государственного вмешательства рынок не способен обеспечить ни полную занятость, ни устойчивый рост, ни эффективное распределение доходов.

Предположения кейнсианской теории мы видели выше. Теперь остановимся на предположениях монетаристской теории. Некоторые из них М. Фридмен выделил в явной форме, другие же подразумеваются в контексте его теоретической аргументации.

Во-первых, М. Фридмен отмечает, что в основе его модели лежат предположения относительно устойчивой эффективности хозяйства и, в частности, «относительно уровня потребления ресурсов, который в теории считается постоянным и стационарным, т. е. может поддерживаться бесконечно долгое время».

Во-вторых, молчаливо предполагается, что основная часть совокупного богатства принадлежит не фирмам, а «первичным собственникам», поскольку в монетаристской теории богатство оценивается не с позиций максимизации прибыли фирм, а с позиций максимизации благосостояния индивидов.

---

[8] Ibid.

В-третьих, столь же молчаливо предполагается, что накопленное богатство («запас») населения составляет величину, в несколько раз превышающую его текущий доход («поток»).

Иными словами, монетаристская теория моделирует такую хозяйственную систему, которая отвечает не всяким, а определенным обязательным условиям.

Прежде всего монетаристская теория предполагает такие общие условия, при которых национальное богатство способно приносить устойчивый совокупный доход. Это, в частности, включает наличие широких возможностей для прибыльного инвестирования, поддержания производительности человеческого капитала, доступа к естественным ресурсам – одним словом наличие внешних условий эффективного функционирования хозяйственной системы. Это как раз те условия в наличии которых сомневались и Кейнс и Хансен.

Далее, поскольку монетаризм во главу угла ставит деятельность первичных субъектов хозяйства по оптимизации структуры их собственного богатства – будь то деньги, облигации, акции, физические блага или человеческий капитал, необходимо, чтобы все или большинство указанных субъектов имели реальную возможность свободного выбора между различными формами богатства. Если субъект обладает только скромным человеческим капиталом, доход от которого целиком уходит на текущее потребление, то у него нет такого выбора А там где у большинства населения нет накопленного богатства и реального выбора между его формами, – и монетаристская теория не может быть применена.

Наконец, постулат монетаристов о гибкости цен и зарплат предполагает свободную конкуренцию на рынках всех благ, включаемых в состав богатства.

Теперь уместно поставить вопрос: каким реальным историческим условиям хозяйства соответствуют перечисленные выше исходные предположения монетаристской теории?

Ясно, что они не соответствуют базовым реальным условиям 1930-х годов и первых двух десятилетий после Второй мировой войны. Зато они в принципе соответствуют реальным вещественным и институциональным основам хозяйства, сложившимся уже к концу 1960-х *В этом соответствии и состоит главная причина, по которой монетаризм стал одерживать верх над кейнсианством с конца 1970-х – начала 1980-х годов,* ибо исходные предпосылки кейнсианства, в принципе отвечавшие условиям предшествующего исторического периода пришли в противоречие с новыми вещественными и институциональными реалиями хозяйства.

Однако на поверхности явлений победа монетаризма выглядела как признание «ошибочности» кейнсианства и «правоты» монетаризма. И такое объяснение выглядело вполне правдоподобным по двум причинам.

Во-первых, даже в тот период, когда значительное государственное вмешательство в действие рынка было благотворным (1950–60-е годы), оно оказалось чрезмерным по сравнению с необходимым минимумом. Например, в некоторых странах Запада перераспределялось через бюджет более 50 % ВВП, что примерно соответствовало аналогичному показателю по странам госсоциализма.

Во-вторых, огосударствление экономики слишком долго стремились сохранить и тогда, когда оно уже в принципе устарело, в связи с чем необходимые реформы запоздали почти на десятилетие.

Уже с начала 1970-х годов новой институциональной системе рынка стало явно тесно в пеленках интенсивной государственной опеки и регулирования. Высокие и относительно устойчивые доходы большинства населения и его накопления сделали излишней бюджетную накачку эффективного спроса и сократили потребность в социальных программах. Созданные при мощной государственной поддержке инфрасистемы и реструктурированная промышленность далее могли функционировать самостоятельно на конкурентных началах. Отпала, следовательно, экономическая необходимость в высоких налогах, в жестком регулировании цен и внешней торговли, в обширных программах государственной поддержки инвестиций.

Наоборот, государственный «активизм» стал помехой эффективному функционированию поднимающейся системы рыночного саморегулирования. Жестко регулируемый государством рынок не смог гибко реагировать на энергетические и иные структурные кризисы 1970-х годов и оказался в состоянии хронической стагфляции, когда цены растут одновременно с безработицей.

Кейнсианству пришлось ретироваться. На авансцену выступил монетаризм в качестве главного экономического советника правительств и наставника студенчества.

Выводы

Кейнсианская теория оказала преобладающее влияние на разработку таких мер государственной экономической политики, которые обеспечили рыночное равновесие и устойчивый рост в течение четверти века в развитых странах Запада. В ходе этого роста развернулась техническая революция и произошли принципиальные изменения в институциональных основах рыночной экономики, главной опорой которой стал «средний класс».

Институционально обновленный рыночный механизм перестал нуждаться в глубоком и систематическом вмешательстве, он был теперь способен к саморегулированию и саморазвитию, чему мешала сохранявшаяся государственная опека.

В СССР и ряде других стран госсоциализма, где действовала система директивного планирования, также до начала 1970-х годов наблюдался значительный экономический рост, но при отставании от Запада по уровню потребления, техники и общей эффективности хозяйства, В обществе происходили переоценка ценностей и смена неформальных приоритетов. Неоднократные попытки властей внедрить в бюрократическую плановую систему элементы рынка оказались безуспешными, и в 1970-е годы началось падение эффективности и темпов роста, скрытое разложение системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.